

Морак

Вигго Кассрок

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вигго Кассрок

Морак

«Автор»

2026

Кассрок В.

Морак / В. Кассрок — «Автор», 2026

Очередная безумная серия «охота — stalking — убийство», больше не приносит удовлетворения. Мне нужен не просто податливый кусок мяса. Мой разум отравлен — идеальной жертвой. Кто она? Почему ее образ подменяет собой лица моих жертв, превращая их в суррогаты? Этот морок ведет меня к финалу, который станет либо моим триумфом, либо моим концом. Меня устроит любой вариант..

© Кассрок В., 2026

© Автор, 2026

Вигго Кассрок

Морак

Глава 1. Суррогат номер четыре.

Руль старого седана под моими пальцами был липким от пота. Мой взгляд третий час был прикован к квадрату окна на втором этаже. Темнота неосвещенного переулочка служила мне вечерней компанией уже как минимум неделю. Аппетит я нагулял достаточный. Сегодня последний день. Синий свет от экрана телевизора заливал комнату, падал на стены и на ее лицо.

— Да сколько можно смотреть этот сериал? — прошипел я, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение. — Тупая ты дура! Давай, иди в душ или..

График. Весь ее идеальный, выверенный график, который я изучал две недели, рушился из-за какого-то глупого шоу. Она должна была лечь спать сорок минут назад. Сучка ломала мой порядок.

Вдруг силуэт в окне шевельнулся. Она поднялась с дивана.

— Так, встает — дыхание перехватило. Я подался вперед, почти упираясь лбом в лобовое стекло. Пальцы нащупали в кармане контур шприца. — Ну же. Давай. Поверни направо, в коридор

Она пошла прямо к окну.

— Нет, нет, нет нет — слова сорвались на сухой шепот. Каждая секунда вытянулась в вечность. — Не закрывай шторы нет

Ее рука потянулась к плотной ткани. Шших. Плотный портьер отрезал меня от ее мира, превратив окно в глухую, темную стену.

— Сука! — я наотмашь ударил по пассажирскому сиденью. На пол соскользнул телефон.

Лишила меня контроля, который принадлежал мне по праву. Меня затрясло от ярости. Но приятное чувство контроля вернулось: план есть, пора приступать. Глупая пизда, прикрылась шторками и этим только приблизила нашу встречу.

Все эти шторы, жалюзи и занавески Да, они уберегут от зевак. Но для такого, как я, это красная тряпка. Особенно если их закрывают прямо перед моим носом.

Я заглушил мотор. Вытащил ключ из замка зажигания. Мягко, почти бесшумно приоткрыл дверцу машины, впуская внутрь сырой ночной воздух.

В голове, как на старой раскадровке, мгновенно прокрутились рабочие схемы. Зайти, зажать ей рот, вколоть препарат и забрать с собой. Или убить прямо там, на ее постели, пока портьеры отрезают нас от улицы. Скорее всего, второе — она, конечно, раззадорила меня своими шторами, но не настолько, чтобы так возиться. Мне просто нужно унять зуд, чтобы морок отпустил. Эта цель меня разочаровала уже давно, но отпустить ее я не могу: сталкинг должен закончиться ее криками, страхом и кровью.

А если посреди процесса вернется ее парень — тот самый сопляк на белой «Мазде»? Что ж, можно будет повеселиться. Потом подставить его: симитировать бытовую потасовку, а его труп вывезти в багажнике, закопать в глухом секторе — и концы в воду. Опыт есть. Полиция умоется слезами, выстраивая ложные версии.

Я замер, сжав зубы. Мысли текли ровно, но без предвкушения.

Это всё уже было невкусно. Даже в воображении этот сценарий отдавал дешевой мертвечиной. Пресной, предсказуемой, картонной. Я как наркоман, у которого выработалась толерантность. Привычная схема — охота, сталкинг, убийство — больше не удовлетворяла меня. Мне нужен был не просто податливый кусок мяса, который кричит от боли.

Я закрыл глаза, и перед мысленным взором тут же встало лицо с автобусной остановки. Три года. Три года я помню этот взгляд. Я почувствовал в ней такую ледяную тьму, что у меня до сих пор сводило судорогой конечности. Убить её — вот моя истинная, финальная мечта. Мой персональный конец света. Но я до ужаса боялся этого дня. Если её не станет, ради чего мне вообще жить? Что останется от меня, когда этот ориентир исчезнет?

Окно на втором этаже оставалось темным. Ярость утихла, оставив после себя лишь холодную, деловую решимость. Эта девка за шторами — всего лишь суррогат. Дешевая копия. И эта копия должна послужить оригиналу. Надо снять напряжение, чтобы дожить до завтрашнего дня и не пустить себе пулю в лоб.

Я вышел на сырой асфальт, мягко прихлопнув дверцу. На мне были тонкие кожаные перчатки. Под курткой я нащупал ремень портупеи и два ножа, в кармане своего часа ждали шприцы с барбитуратом и миорелаксантом. Спокойным, прогулочным шагом я направился к подъезду, сканируя глазами периметр. Соседи, камеры — всё это тут есть. Но поймать меня не помогут.

С тихим щелчком замок открылся. Ключ повернулся легко, как по маслу. Две недели назад, во время своего первого визита, я не только сделал эту копию, но и незаметно заклинил внутренний блокиратор двери — на всякий случай. На часах — ровно час ночи.

Я аккуратно притворил за собой тяжелую дверь. В прихожей пахло лавандовым освежителем и легкой сыростью. Спит ли она? В сущности, это не имело значения. Заходить в квартиру тоже было необязательно: было время, когда я просто звонил. Если знать, что и как сказать, всегда войдешь. Но это стало неинтересно. Мне больше не нужны легкие пути. Я хочу ощущать каждый кусочек страха. Медленного, густеющего в темноте страха.

Конечно, она испугается, когда увидит меня в своей квартире. Но она не будет кричать. Они почти никогда не кричат в первые секунды. Древний, как мир, инстинкт самосохранения всегда играет мне на руку. На каком-то природном, животном уровне женщинам дано пытаться умиротворить опасность, замереть, сделаться невидимыми или покорными, чтобы выжить. Глупый, наивный инстинкт. Он эволюционировал миллионы лет, чтобы спасти их от диких зверей или пьяных мужей, но совершенно не рассчитан на опасность моего уровня.

В темноте коридора послышался мягкий шорох. Навстречу мне, лениво потягиваясь, вышел крупный серый кот. Принюхался к моим берцам. Я замер, затем медленно опустился на корточки и протянул руку. Кот не испугался — он уткнулся мордой в ладонь и подался вперед, напрашиваясь на ласку. Я аккуратно погладил пушистого. Животное не чувствует во мне беса.

— Ах ты, предатель, — прошептал я.

Кот тихо замурчал в ответ, подставляя под пальцы подбородок.

— Тсс, — шепнул я ему. — Иди. У нас тут свои дела.

Я поднялся, оставив кота в прихожей, и сделал первый шаг вглубь темной квартиры. Туда, где за полуоткрытой дверью дышал мой суррогат.

Экран телевизора продолжал беззвучно мерцать, выбрасывая в полумрак холодные блики. Девушка спала прямо на диване, на спине, в открытой позе. То что надо. Вот это преледия! Из ее расслабленной руки на ковер скользнул смартфон — на экране по бесконечному кругу крутился один и тот же короткий видеоролик, тихий звук которого сливался с ее ровным дыханием.

Я подошел ближе и замер у самого дивана, глядя на нее сверху вниз. Рука в перчатке привычно нырнула в карман куртки и извлекла холодный корпус автоматического шприца с готовым раствором снотворного. Достаточно одного точного укола, чтобы лишить ее малейшего шанса на сопротивление.

Я стоял напротив нее, но почти не видел ее лица. В моем воспаленном сознании линии ее тела начали искажаться и перестраиваться, подменяясь другим, главным образом. Рида. Так я называл женщину с автобусной остановки.

В этот момент морок полностью завладел мной. Мне казалось, что это именно Рида лежит сейчас передо мной в этих простых домашних шортах и полупрозрачной майке. Это ее соски отчетливо проступали сквозь тонкую ткань, реагируя на прохладу кондиционера, и это ее влажные после душа волосы были светлыми прядями рассыпаны по подушке. Иллюзия была настолько осязаемой и мощной, что кровь мгновенно хлынула вниз, и член в штанах тяжело,

до боли напрягся. Сердце заколотило в грудную клетку изнутри, стирая грань между реальностью и навязчивой фантазией.

В этот момент тишину комнаты нарушил едва слышный звук — серый кот мягко вошел в комнату и в один прыжок оказался на диване, устроившись в ногах хозяйки. Внутри меня всё ликовало. Видеть ее пробуждение со стороны — это подарок. Я радовался, что не запер животное в ванной или на кухне.

От движения кота девушка зашевелилась. Ее веки дрогнули, и она открыла глаза. Секунду ее взгляд блуждал, но затем она сфокусировалась на мне. Я знал, что в полумраке мой массивный силуэт выглядел чужеродно и страшно. Она встрепенулась, остатки сна мгновенно слетели с нее, а в расширившихся зрачках отразился первобытный ужас. Она начала инстинктивно отползать назад.

Я улыбнулся ей. Спокойно, почти ласково.

— Чщц — прошептал я.

Моя рука метнулась вперед, намертво перехватив ее за щиколотку, и я с силой дернул ее на себя. Она не издала ни звука — инстинкт заставил ее задохнуться от страха и замереть. Пользуясь этой секундой, я молниеносно схватил ее свободной рукой за волосы на затылке, жестко запрокинул ее голову назад, обнажая шею, и вогнал иглу шприца чуть ниже мочки уха. Тонкий поршень ушел до упора.

Спустя мгновение ее тело обмякло, превратившись в тяжелую, послушную куклу. Укол подействовал мгновенно. Я аккуратно опустил ее голову назад на подушку, убрал пустой шприц в карман куртки и застегнул замок. На секунду замер, прислушиваясь к тишине. Слышно было только, как на полу у дивана из выпавшего смартфона продолжает бесконечно крутиться глупый, заикленный ролик.

Я посмотрел на кота. Серый ублюдок так и сидел на краю дивана. Он не мигая смотрел на меня своими круглыми зелеными глазами, словно оценивал качество моей работы.

Жаль, что я не из тех, кому достаточно просто тела. То, что она в отключке, — это просто прелюдия, мне нужно ее сознание. А сейчас я предвкушаю и жду, когда она очнется. О Рида. Она похожа, очень, но только внешне.

Три года назад, когда я в очередной раз вышел на охоту, я увидел ее. Обычная автобусная остановка. Она ничем не выделялась: светлые волосы, голубые глаза, средний рост, совершенно средняя комплекция. Красивая, но абсолютно не мой типаж. Я просто отметил ее присутствие скольльзящим взглядом и прошел мимо, встав к ней спиной.

И в эту секунду меня парализовало.

Это был взгляд в спину, но он ощущался физически, будто мне между лопаток навели лазерный прицел. Нож в мишень. Воздух вокруг стал тяжелым. Я резко развернулся, но она не смотрела на меня. На ее лице играла мягкая, едва заметная полуулыбка, в каждом ее движении, в повадках сквозило невероятное спокойствие. От нее веяло уверенностью, уютом, той редкой нежностью, которая бывает только у истинных женщин.

Я уставился на нее, не в силах отвести глаз, и в этот момент она мазнула по мне коротким, случайным взглядом. И этот короткий взгляд выжег на мне клеймо. За этим абсолютным светом и мягкостью я почувствовал бездну. Силу такого уровня, против которой все мои пятнадцать лет идеальных убийств, все мои расчеты — просто детская возня в песочнице. Она была совершенством.

Я медленно опустился на колени перед диваном, протянул руку и коснулся волос четвертого суррогата, распределяя их по подушке. Время пошло. Ритуал stalking завершён, наступило твое время, девочка. Я достал упаковку стяжек.

Вдруг в тишине квартиры раздался резкий скрежет.

Входная дверь открылась и захлопнулась. В прихожей послышался тяжелый шаг, шуршание куртки и веселое насвистывание. Мой рот растянулся в блаженной улыбке.

Внутри меня всё ликовало от извращенного, ледяного восторга. Пришел. Давно мне так не везло. Мой мозг мгновенно дорисовал новую картину, и она мне понравилась. Появился зритель. Он будет смотреть на всё от начала и до конца.

Я бесшумно скользнул за дверной косяк, растворяясь в густой тени. Пальцы левой руки нырнули в карман куртки и нащупали второй шприц — с миорелаксантом.

— Зай, ты чего свет везде выключила? Спишь уже? — негромко спросил парень, делая шаг вглубь квартиры. От него пахло пивом, табаком и уличной прохладой.

Он поравнялся со мной. Я не дал ему сделать даже вдоха.

Моя правая рука мертвой хваткой зажала ему рот. Я навалился сзади, лишая его опоры, а левая рука молниеносно вогнала иглу шприца прямо в основание шеи, между позвонками. Парень дернулся, попытался замычать, но тяжелый состав подействовал почти мгновенно. Его мышцы обмякли, превращая тело в пластилин. Он был в полном сознании, всё понимал, но не мог пошевелить даже пальцем.

Я оттащил его вглубь комнаты и усадил на тяжелый деревянный стул у стены, зафиксировав его тело пластиковыми хомутами — просто чтобы он не сполз на пол. Расположил его так, чтобы его широко распахнутые, полные подступающего ужаса глаза были направлены строго на диван. На его девушку.

— Сиди тихо и смотри, — прошептал я ему, чувствуя, как дыхание перехватывает от возбуждения. — Тебе понравится.

Я развернулся к дивану. Морок привычно пополз по позвоночнику. Ночь только началась.

Девушка зашевелилась, постепенно приходя в себя. Как только её веки вздрогнули и она приоткрыла глаза, её лицо тут же сморщилось от резкой, разрывающей боли в голове — неизбежного последствия моего укола.

Я медленно сел перед ней на корточки, сокращая дистанцию до минимума. Моя рука потянулась к её лицу и плавно провела пальцами по щеке. Девушка инстинктивно отстранилась. Дикий страх мгновенно протрезвил её разум. Она попыталась вжаться в диван, и тогда я наотмашь ударил её по лицу. От сильного удара она кубарем слетела на пол, тяжело хрипя.

Я спокойно поднялся, не торопясь снял с себя куртку и бросил её на кресло. Затем сделал шаг к замершей на полу девке, наклонился, схватил её за волосы на затылке и повернул её голову в угол комнаты.

— Смотри, — тихо, почти ласково произнес я. — Вон там сидит твой любимый.

Ее лицо исказилось в плаче, по щекам покатались слезы, она заскулила, пытаясь что-то сказать.

— Чщ-чщ-чщ, тихо, не говори, слушай.

Я отпустил ее волосы, погладил по голове, заправил прядь за ухо. Она перевела безумный взгляд на стул. Парень сидел неподвижно, зафиксированный хомутами, его глаза были расширены от ужаса, а по лицу катился крупный пот, но парализующий укол лишал его возможности издать хоть звук.

Я растирал слезы по ее щекам и продолжал говорить ей на ухо, касаясь его губами и вдыхая ее запах.

— Ты можешь плакать, — прошептал я. — Ты будешь плакать. Но если ты посмеешь орать или сопротивляться, я сниму с него кожу. Отрежу ему член и заткну им твой рот. Поняла меня?

Она мелко, судорожно закивала, задыхаясь от беззвучных слез. Инстинкт самосохранения сработал безупречно — она зажала рот ладонями, превращая свой крик в глухой, едва слышный скулёрж.

— Вот и умница, — я погладил её по растрепанным волосам. — Всё будет хорошо. Вы будете жить долго и счастливо после того, как я уйду. Если ты будешь делать точно так, как я скажу.

Я выпрямился и достал свой идеальный, сверкающий в синеве телевизионного экрана нож. Металл хищно блеснул. Посмотрел на неё сверху вниз, широко, искренне улыбнулся и расстегнул пряжку ремня на джинсах.

Глава 2. Дроп

Тяжелая, сырая земля с глухим стуком падала в яму. Комья летели прямо на лицо парня, засыпая широко распахнутые, остекленевшие глаза.

На часах было почти пять утра. Холодный туман окутывал глухой перелесок за брошенной промзоной, превращая меня в размытую тень с лопатой в руках.

Каждый удар, каждый ком земли отдавался в голове рваными, лихорадочными флешбэками ушедшей ночи. Избавиться от них было невозможно. Извращенный ночной экстаз в утренних сумерках обернулся грязным, удушающим кошмаром.

Удар. Лопата с хрустом вонзается вглубь.

Вспышка. Безумные, истошные крики. Кровь брызжет из её носа, пачкает разбитый рот, заливая покрывало, пока я с животной, яростной силой вдальбливаюсь в её дрожащее тело.

Бросок. Тяжелый ком сваливается на дно.

Вспышка. Мой собственный голос, требующий, чтобы она просила еще. Чтобы умоляла не останавливаться.

Снова удар. Металл скрежещет о корни.

Вспышка. Мои руки, сжимающие её горло. Её опухшее от слез и побоев лицо.

Еще бросок. Земля глухо ударяется о плоть.

Вспышка. Сверкающее лезвие ножа в моей руке. Кожа с тихим звуком расходится под острием, комната взрывается новым криком. А привязанный к стулу парень захлебывается слезами от собственного бессилия.

Я резко замер. Воздуха в легких критически не хватало. В горле встал стойкий, невыносимый привкус железа и желчи.

Я выронил лопату — металл со звоном ударился о камни. Ноги подкосились, и я рухнул на колени прямо в сырую траву у края разрытой могилы.

Меня мучительно скрутило. На землю хлынула горькая желчь, а из глаз — слезы. Горло пережало очередным спазмом, я не мог дышать.

Меня колотило от этой удушающей ненависти к самому себе. Я повалился на бок, прижимаясь лицом к холодной земле, обхватил голову руками, пытаюсь физически сдвинуть свой череп, чтобы заглушить эти вспышки. Двое. Двое. Еще двое мертвы.

В голове настойчиво, как удары метронома, застучала одна и та же мысль: «Гараж. Буксировочный трос. Шагни с табуретки. Прекрати это. Убей беса, убей его вместе с собой». Это желание было настолько плотным, что я почти почувствовал веревку на шее. Я лежал и смотрел на парня, на его труп. Его образ был размытым, и казалось, что он улыбается.

Нужно закопать его и бежать отсюда. Срочно спрятать машину и отмыться. Но встать я не мог. Дрожь не отпускала. С титаническими усилиями я все же поднял себя и взялся за лопату. Руки держали ее с трудом. В них не было сил. Я неуклюже, со свистящим дыханием принялся ковырять землю и забрасывать труп.

Дорога обратно в город прошла в абсолютном ступоре. На заднем сиденье, замотанная в мусорный мешок, лежала испачканная лопата. Труп девушки я оставил там, в квартире, на залитом кровью диване. Да, это было рискованно, но с некоторых пор я больше не мог зарывать их в лесной глуши, словно падаля. Они должны быть найдены. Должны быть отпеты и похоронены как положено — по-человечески.

Жалкий лицемер. Сколько жертв до сих пор покоятся в безвестных, сырых могилах, которых так и не нашли? Это знание жгло меня. Что это? Совесть? Или сраный эгоцентризм? Возможно, в этот раз я оставил какие-то улики. Как пишут в учебниках по криминалистике, со временем такие, как я, всё равно совершают роковую оплошность. Но сейчас мне было абсолютно плевать.

Все остальное я сделал по инструкции. Разум работал на автомате, даже когда наступал отходняк и меня начинало выворачивать от ужаса происходящего.

Я пересмотрел, наверное, все фильмы про серийников — как художественные, так и документалки. Да и сам по себе не был идиотом. Психом — да, но не идиотом.

Я подъехал к своему логову. Дом на отшибе, оформленный на подставное лицо. Идею с покупкой тоже навеяли фильмы. Хотя, может, и сам бы догадался со временем.

Меня встретила тишина. Я прошел в подсобное помещение, где стояла мощная печь, работающая на газу. Дверца со скрипом открылась. Я безжалостно швырнул в огонь свою окровавленную ночную одежду, перчатки и мелкие улики. Пламя жадно поглощало мои грехи.

Сюда же, в подвал, я когда-то привозил пленниц, растягивая их мучения на недели. Но сейчас такое стало редкостью — слишком хлопотно, слишком много шума, да и суррогаты этого не стоили. Этот дом ждал Риду. Только её.

Я спустился еще ниже, в потайную комнату. Здесь стояли оргтехника и телевизор. Тут я хранил трофеи — фотографии моих прошлых триумфов. Стена была украшена снимками преследуемых жертв в хронологической последовательности: от момента первой отметки до посмертной агонии.

Я посмотрел на фото суррогата номер четыре. На них она еще жива. Ночные фото появятся здесь примерно через неделю. Сейчас меня воротило от одной мысли о том, чтобы увидеть ее испуганное лицо или брызги крови.

Накативший дроп душил, вызывая подкатывающую к горлу тошноту. Внутренний бес словно насытился ночным хаосом и теперь брезгливо спал, оставив меня наедине с грязными, рваными картинками в собственной голове.

Но на этой стене не было фото главной цели. Не было Риды. Ее образ жил только в моей памяти.

Дрожь начала отпускать, уступая место ледяному, тяжелому контролю. Пора было возвращаться в город. Я пересел на свой охотничий внедорожник и поехал домой.

Дома было тихо. Я бесшумно приоткрыл входную дверь. На диване в гостиной, укрывшись серым пледом, спала Алина.

Она зашевелилась, медленно открыла глаза и сонно прищурилась от резкого света, хлынувшего из открытой двери коридора.

— Леш?.. — её голос был хриплым после сна. — Ты уже вернулся? Ну как? Взял кого-нибудь?

У меня внутри всё перевернулось от воспоминаний об окровавленном диване суррогата, но я заставил себя улыбнуться.

— Нет, — мой голос прозвучал ровно. — След потерял.

— Жаль, — она тепло улыбнулась мне. — Ты весь бледный, совсем не спал. Иди в душ, смывай свою грязь, охотник. Я пока кофе сварю. Тебе сегодня ко сколько?

— К девяти, — ответил я, отступая в коридор к ванной.

Я запер дверь, включил горячую воду и оперся руками о раковину. Через два часа я буду сидеть в кабинете, руководить людьми и смотреть на экраны мониторов. А полиция начнет расследовать дело, которое я так тщательно срежиссировал.

Я стоял под тугими, обжигающими струями, уперевшись лбом в кафельную плитку. Вода стекала по телу, но она не могла смыть грязь, что въелась глубоко под кожу. Мысли о самоубийстве, преследовавшие меня, сегодня обрели пугающую, детальную четкость.

Я не просто хотел сдохнуть — я подсознательно жаждал физического наказания. Я должен был страдать так же сильно, как те, кого я ломал в темноте.

Я закрыл глаза и представил, как оболью бензином свое лесное логово, зайду внутрь, запру за собой дверь и чиркну спичкой, заживо сгорая вместе со своими грехами и фотосним-

ками. Или как уеду в глухую чащу, привяжу себя к дереву и буду покорно ждать, пока голодные псы или волки разорвут мою плоть на куски, глядя мне в глаза.

Очищение через абсолютную боль. Только так можно заглушить это.

Но я не мог просто шагнуть в петлю или огонь. Не сейчас. Ночная смерть суррогата и её парня была началом новой, вынужденной серии. Я убил двух абсолютно невинных людей. И чтобы восстановить это хрупкое равновесие, чтобы откупиться перед Богом или собственной, совестью, я должен был казнить четырех виновных. Четыре грязные жизни в обмен на две чистые. Иначе дьявол сожрет меня заживо.

Проблема заключалась в том, что по-настоящему заслуживающих наказания людей почти не было. Моя извращенная справедливость требовала чудовищ. О, если бы я встретил на своем пути такого же, как я сам, — это было бы величайшим даром. Настоящий, чистый поединок. Но мне попадались лишь мелкие говнюки: жулики, домашние тираны да педофилы-неудачники.

Я регулярно отслеживал криминальные сводки через каналы своего ЧОПа, вел учет и пополнял список потенциальных кандидатов на ликвидацию. Чаще всего в мои сети попадались наркодилеры. Но и тут меня ждало разочарование — в основном это были глупые балбесы-малолетки, обычные закладчики, которые просто хотели заработать на новые гаджеты. Убивать этих придурков я не собирался. В их казнях не было искупления.

Мне приходилось копать глубже. Искать шишек покрупнее — тех, кто организовывал лаборатории, кто ломал чужие жизни миллионными оборотами. И вот это расследование, эта охота на крупную рыбу, была по-настоящему опасной. Я рисковал подставить под удар свою фирму, свою маску, свою жизнь. Но выбора не оставалось. Либо я вступлю в эту смертельную игру, пытаясь выровнять внутренние весы, либо либо плаха, бензин или псы.

Я выключил воду и накинул чистое полотенце. Дроп медленно отпускал хватку, уступая место рабочему контролю. Эта серия только началась.

Я знал, кто будет следующим.

Кандидат номер один из четырех уже давно висел в моем закрытом цифровом реестре. Глеб Разин. Успешный ресторатор, владелец модных клубов, которые, по иронии судьбы, охраняла моя же фирма. Но я знал правду: именно через его заведения в город шел основной поток чистойшей синтетики. Разин не был сопляком-закладчиком. Он был той самой крупной, жирной шишкой, которая коверкала судьбы сотнями за вечер. Тварь, чья жизнь весила достаточно, чтобы начать искупление за эту ночь.

Я снова посмотрел на свое отражение в зеркале над раковиной. Кожа бледная, под глазами залегли тени, но взгляд уже стал прежним — холодным, сфокусированным, деловым. Маска нормальности возвращалась. Внутренний бес притих, удовлетворенный тем, что я выбрал для него крупную, опасную дичь.

Я открыл дверь ванной и вышел в коридор. Из кухни уже доносился густой, горьковатый аромат свежесваренного кофе. Алина стояла у плиты в тонкой домашней майке. Она обернулась и улыбнулась:

— А кто это у нас тут такой чистенький и вкусненький?

Ее голос прозвучал мягко, разбивая утреннюю тишину квартиры. Я заставил себя улыбнуться в ответ, подошел ближе, погладил ее по бедрам и слегка сжал ягодицы. Тело ныло от усталости, голова была тяжелой.

Она сделала шаг навстречу и произнесла томным голосом:

— Я соскучилась.

Алина потянула за край полотенца, и оно тяжело соскользнуло на пол. Ее ладони коснулись моей кожи. Мой организм, подчиняясь слепым животным инстинктам, среагировал мгновенно — наперекор дикой усталости. Сознание отделилось. Это не я всю ночь занимался извращенным сексом. Это был бес. Но он еще не выпустил меня из своих тисков.

Я резко притянул Алину к себе, впиваясь в ее губы и грубо проталкивая язык внутрь. Развернул спиной, одним движением сорвал майку. Она удивленно, восторженно вскрикнула — этот звериный, внезапный напор всегда заводил её. Для Алины это была лишь погоня за адреналином, игра в подчинение. Ей нравилось, когда я ломал её нежность. Я перехватил ее запястья, жестко фиксируя в замок у нее за спиной, и толчком вошел на всю глубину.

Она шумно, рвано выдохнула, подаваясь навстречу. Для нее это был чистый пик, для меня — балансирование на натянутом тросе над бездной.

Толчок. Вскрик.

Я заставлял себя контролировать каждый сантиметр.

Толчок. Вскрик.

Удерживать силу, не перешагнуть границу дозволенной «домашней» грубости.

Толчок. Еще толчок.

Внутри выл раненый бес, требуя сорваться на настоящую, калечащую ярость.

Толчок. Рваный вдох.

Но я держал его мертвой хваткой за глотку, выплескивая накопленное за ночь безумие в этом бешеном, поршневом ритме. Когда её тело свело финальными, судорожными спазмами, я бессильно уткнулся лбом в её влажную спину. Настоящей разрядки не случилось — кончать мне было попросту нечем.

Алина тяжело и удовлетворенно дышала под моими руками.

Пора на работу.

Я поцеловал её в плечо и отстранился. Не глядя на неё, быстро натянул одежду, сгреб со стола ключи и вышел на улицу, оставив за собой тяжелое молчание.

Двигатель рабочего Touareg послушно заурчал. Но вместо привычного маршрута на офис рука сама крутанула руль, увозя машину в противоположную сторону. Меня вело по маршруту, который я знал до каждого ухаба на асфальте. Туда. К ней.

Я припарковался метрах в пятидесяти от автобусной остановки, спрятав машину в тени раскидистого старого тополя. Мой взгляд мгновенно выхватил её из редкой утренней толпы. Рида. Она стояла на сером асфальте, окутанная весенней прохладой, и от одного ее силуэта у меня перехватило дыхание. В груди болезненно, до физической судороги заныло желание выйти из машины. Подойти вплотную. Вдохнуть ее запах — не этот удушливый, химический аромат лавандового освежителя из квартиры суррогата, а её собственный. Истинный. Чистый.

Я сидел и смотрел, облокотившись на дверь машины. Растерянность давила на грудь. Я не знал, что мне с ней делать. На поверхности лежало самое простое — убить её. Я фантазировал об этом во всех красках и подробностях. Но не делал. Оправдывал себя тем, что не смогу без неё дышать. Но ведь её и так нет в моей жизни. Есть только этот кусок асфальта на остановке. Какой же я больной ублюдок.

Все эти годы я сдерживался изо всех сил, запрещая себе использовать ресурсы ЧОПа. Не наводил справки, не вскрывал базы данных, не пробивал адрес. Я даже не знал, как её зовут. Боялся, что если узнаю эту сухую, земную информацию, магия тайны исчезнет.

Вдруг у обочины притормозила темная иномарка. Стекло опустилось, сидевший за рулем холеный мужик что-то сказал ей, активно жестикулируя.

— А ты еще что за хер? — проговорил я в пустоту салона.

Я не слышал слов, но, судя по всему, он звал её в машину. Внутри всё закипело. Дьявол под кожей взвился на дыбы, выжигая легкие.

— Пошел на хуй, — процедил я, не отрывая взгляда.

Рида повернулась к машине. На её лице появилась все та же мягкая полуулыбка. Она что-то ответила, дружески, по-свойски похлопала его по плечу

— Какого хуя?! — я навалился на руль. — Зачем ты его трогаешь?..

Но она отрицательно покачала головой. Отказалась.

— Умничка моя, — выдохнул я с облегчением.

Автомобиль плавно тронулся с места, а меня обуяла дикая, животная ревность, какой я не испытывал никогда в жизни. Крышу понесло. Пульс загрохотал со звуком товарного поезда.

Дрожащими руками я выхватил телефон, поймал зумом удаляющийся бампер. Профессиональный навык сработал на автомате, удерживая фокус на движущейся цели.

— Кто ты такой?

Щелчок. Номер машины четко зафиксировался на снимке.

Я медленно опустил мобильный на пассажирское сиденье. Тяга к самоубийству исчезла, уступая место ледяной, ядовитой цели. Весы внутри меня снова качнулись. Я уже знал, что Глеб Разин подождет. Мой черный список только что возглавил этот мудака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.